

СИПИЛ

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО

Сборник

Сипил (Запел Асатур) родилась 8 октября 1863 года в пригороде Константинополя Скютари (ныне — район Стамбула Ускюдар), в семье торговца часами. Псевдоним Сипил происходит от слова сивилла, т. е., согласно греческой мифологии, пророчица. Первоначальное образование получила во французской школе, затем училась в училище (1870—1873) и в семинарии района Ускюдар. В 1879 году Сипил основала «Патриотическое общество армянок», ставившее целью открывать армянские школы в провинциях. В 1882 году отправляется в армянские провинции, преподает в

школах. В 1889 году возвращается в Константинополь и почти до конца жизни занимается педагогической деятельностью. Со своим мужем, известным филологом и педагогом Грантом Асатуром, Сипил создает учебники по армянскому языку и литературе, которые многие годы применялись в западноармянских школах. Сипил была также одним из редакторов известного литературного журнала «Масис». Первое стихотворение Сипил было опубликовано в 1874 году. Единственный сборник ее стихов — «Отблески» — был издан в Константинополе в 1902 году. В 1891 году вышел в свет ее роман «Девичье сердце», а остальные прозаические произведения были собраны в сборнике 1926 года «Женские души». Перу Сипил принадлежат, кроме того, статьи по вопросам литературы, языка, искусства, педагогики, а также переводы из европейских писателей.

Скончалась поэтесса 9 июля 1934 года в Константинополе.

Основные издания на армянском языке: Отблески, Константинополь, 1902; Сочинения, Ереван, 1965; на русском языке: Поэзия Армении. М., 1916.

ИЗ КНИГИ «ОТБЛЕСКИ»

ЛУНА

Одна гляжу в ночную сумрачную даль,

Луна, подруга, ты развей мою печаль.

Ведь если б ты не поглядела с высоты,

Не приласкала бы лучом моей мечты,

Вся жизнь моя бы затянулась хладной мглой

И стала ямою с остывшею золой,

Где по краям не выжить травам и цветам,

Где тьму заря не освещает по утрам.

Подобно тени я по жизни бы прошла,

Одни рыдания на пути моем нашла,

Лампадой тусклою средь долгих вечеров

Склоняла б низко свое пламя от ветров.

Но ты, луна, пока мне светишь и пока

Моя мечта, как ты, светла и высока,

Пока так щедро раздаешь пучки лучей,

Когда молю тебя о том среди ночей, —

Моя душа, тебя лаская и любя,

Как сердце верное, приветствует тебя.

Ты так величественна в выси голубой,

Что я о божестве помечтать могу с тобой.

Душа вселенной или зеркало земли,

Что отражаешь ты, высокая, вдали?

Афина ты иль милосердье высших сил,

Твой ровный свет один для хижин и могил.

В твоих лучах лишь кипарисы всё темней,

Как смерть сама иль размышление о ней.

Тебе торжественная роскошь не нужна

И бархат штор у затемненного окна.

Твоя любовь — леса, поля и вольность гор,

Где птиц и ветра не смолкает разговор,

И пепелища, где развалины пусты,

В твоих лучах опять сверкают, как цветы.

Твоя душа — душа поэта, и она

• И волшебства, и вечной нежности полна.

Ты, может, девушка, отторгнутая прочь

От материнских рук, трепещущая дочь,

И под вуалью прячешь горести свои.

Молчи, луна, и ничего не говори,

Ведь вижу я, как ты бледнеешь по утрам,

Твою я тайну разгадала по глазам.

И у меня есть боль своя, и ты, луна,

В мои мечты, в мою печаль посвящена.

Не славы жду, мне только б крылья обрести.

Хоть тонкий луч свой мне на землю опусти,

Чтоб зацепилась я и с горестной земли

Взлетела ввысь и растворилась бы вдали.

В твоём чертоге, как в блистающем раю,

Тебе бы душу подарила я свою.

Ты ей доверь свои желания, луна,

Чтобы летела к звездам блещущим она

И над морями и над вечностью веков

Твою небесную воспела бы любовь.

1880

ПЛЮЩ

(Воспоминание детства)

В том саду родном под моим окном

Густо вился плющ по крутой стене,

Как баюкая, он качал цветком,

Голубым цветком улыбался мне.

Бархат зелени, покидая сад,

К изголовью ник, не давал уснуть.

Сквозь его листву привлекал мой взгляд,

Будто тонкий луч, к первой школе путь.

Та дорога вдаль будто лента шла

Сквозь пшеницу, где по ее краям,

Как мечты весной, вся земля цвела,

Ярких маков цвет подарив лугам.

А в расщелинах старых толстых стен,

Шерстяную нить взяв для теплых гнезд,

Дружный хор скворцов звонко свиристел,

Зяблик в хор вступал, подпевал им дрозд.

И казалось, жизнь до последних дней

Будет благостью до краев полна.

Аромат полей не иссякнет в ней,

Пеньем птиц полна будет тишина.

Но пришла пора пожелтеть листве,

Перья с листьями над землей взвились,

Скрылись стаи птиц в гулкой синеве,

И засыпал снег крышу, сад, карниз.

Нет плюща теперь за моим окном,
Желтый край стены закрывает свет.
Слезы лью, родной вспоминая дом
И дорогу, где мой затерян след.

1888

ТУЧА

Той туче светлой я свои вручила грезы,
На небесах, в лучах серебряной луны,
Но туча на клочки разбита, с вышины
На землю падают пылающие слезы.
С родным сиянием она разлучена,
Гонима злобными бичами ветра с силой...
Ей в небе жизнь была, земля была могилой,
Где радость помыслов навек погребена.
И улыбаются просторы высоты,
Бесстрастно чуждые всей нашей скорби жгучей,
Лелеют новые в своих объятьях тучи,
Тревоги новые и новые мечты!
Меж тем, палимые бессонными страстями,
Мы плачем: кто — дождем, кто — горькими
слезами!

1892

В МОНАСТЫРЕ

Здесь, в келье, я сижу одна. Вот полночь бьет,
Лампады нет, и нет луча на небесах.
Последний свет погас в доме и у ворот,
И я — одна, погружена в глухих мечтах.

Кочует вокруг унылый сонм густых теней,
То подойдут, то отойдут, то станут в ряд.
И углублен их скорбный стон сильней, больней,
Когда они, утомлены, вблизи стоят.
Виденья — то моей мечты, печальных дум,
Сны молодой, ах, молодой! моей души. . .
Когда звучит холодных дней тоскливый шум,
Целенье слез приносят мне они в тиши.
Меж грустных лиц склоняюсь ниц с моей тоской,
Меж строгих дев, для коих нет страстей и гроз,
Чьи голоса — молитв напев, псалом святой,
Губящий рой, прекрасный рой надежд и грез!
Я жить хочу, а мне твердят про небеса!
Хочу любви — они кричат: «Бог есть любовь!»
В рассказах их Иов, Давид иль чудеса;
Внушают: «Нам надежда — смерть! Не суесловь!»
Горит заря, и свет дневной, и лунный луч,
Людей живя, цветы, поля и весь простор...
А предо мной лампадный свет чуть жив, не жгуч,
Которым мой, всегда без сна, томится взор!
Я вздоха жду огнистых уст средь душной тьмы.
Порывы дум — ответных слов, страдая, ждут...
А мне в кровать, пред тем как спать, дают псалмы,
И на ночь крест на сердце мне, как знак, кладут!
Но вижу я во сне всегда — одно, одно:
Борьбу за жизнь, бездонный свет, мечту свою!
Я в мире — прах, но сердце всё ж огнем полно,
И небо, ах! его святым я отдаю!

БЕДНАЯ СУМАСШЕДШАЯ

К морскому берегу она бежит одна
И наклоняется так жадно над водой.
Такого горя и тоски она полна,
Что может море иссушить своей бедой.
К морскому берегу она бежит одна.
И влажен взгляд ее печальных тусклых глаз,
В дрожанье век ее и судороге щек
Безумье тяжкое я вижу каждый раз,
Так бедный разум от души ее далек.
И по губам скользит горячая дрожь,
И смех к губам прилип однажды навсегда.
И этот смех безумный ранит, будто нож,
Когда в глазах рыдает вечная беда.
Безумный голос мелодичен и тосклив,
И кашель рвет ее измученную грудь.
Ее проклятья слышат камни и залив,
Услышать стон не привелись кому-нибудь.
Потом она опять смеется... Жуткий смех
В камнях и скалах повторяется стократ,
Как будто смехом обвиняет она всех,
Кто оказался глух к горчайшей из утрат.
Ее ребенок утонул январским днем,
Волна шальная радость вырвала из рук.
«Она безумна!» — говорят о ней кругом,
— «Была, как роза — и старухой стала вдруг».

В безумье снова затанцует, запоем,
Забыв и бога, и проклятия, и крик.
И маска горя отлетает в свой черед,
Как будто сын ее опять к груди приник...
К морскому берегу стремглав бежит она
И наклоняется так жадно над водой.
Такого горя и тоски она полна,
Что может море иссушить своей бедой.
К морскому берегу она бежит одна.

1892

УКАЧИВАНИЯ

За грядою гор тает солнца шар,
Протянулась тень от вершин крутых,
Облака плывут, будто легкий пар, —
Там высокий мир светлых грез моих.
Протянулась тень от вершин крутых,
И звучат сердца, нежных тайн полны,
Как гитарный звук, звук от струн тугих,
Их ласкает шелк золотой луны.

153

И звучат сердца, нежных тайн полны,
Позабыв беду, радость дней забыв,
И легко они в вышину летят.
Позабыв беду, радость дней забыв,
Веря в цвет небес, в нежный блеск луны,
В грезах всё забыв, в вышину летят.

1900

КРУЖЕВА

«Она худа, она бледна», — так все о ней
Всегда шептались, когда мимо шла она.
В плаще, в корсете становясь еще стройней,
От ветра стеклами очков защищена.
Была скромна, носила темные тона,
И черный цвет к ее лицу совсем не шел.
Но освещала светом глаз своих она
И черный бархат, и тяжелый черный шелк.
Была она не той красива красотой,
Какою модницы прельщали простаков.
Но даже в зале, ярким светом залитой,
При ней любой поверить в счастье был готов.
Бывало, в ложе появляется едва,
И людям глаз от красоты не отвести:
С нежнейшим трепетом белели кружева
И на плечах, и на руках, и на груди.
В неярких платьях, но видна издалека,
С лицом таким, что все беспомощны слова,
Была, как облако, бесплотна и легка,
И недоступна, и прекрасна, и нова.
Была прозрачна пена кружев и тонка,
И вся она в ажурной пене кружевной
Так чаровала, как чаруют облака,
Что проплывают в летний день над головой.;
Случайный луч, и проблеск света, и порыв
Вдруг оживляли обаяньем темный взгляд,
В котором, тайну безысходности сокрыв,

Летающих молний ярко вспыхивал разряд.
Ее улыбка, как цветенье роз весной,
Приоткрывала губ прекрасных лепестки,
Как будто солнце поднималось над землей
И освещало все земные уголки.
И сердце билось, устремленное к мечтам,
Живым теплом в прозрачной сфере кружевной
И безучастно отмечало здесь и там
Влюбленный взгляд, ее рожденный красотой..
Но, оставаясь равнодушной ко всему,
Она любила только эти кружева,
Как будто было не понять ее уму:
Не из-за них и поклоненье, и молва.
Она их холила, оставив все дела,
На их узор она смотрела не дыша.
Она им жизнь свою и нежность отдала
И всю любовь, которой наполнилась душа.
Но черным утром вдруг проснулась вся в поту,
Тяжелым кашлем задохнулась первый раз,
На кружевных своих подушек чистоту
Рукою тонкою бессильно оперлась.
И, вновь закашлявшись, припомнила она,
Как резок был ночной декабрьской бури гул
И как была в театре ложа холодна,
Студеный ветер в дверь распахнутую дул.
Она от холода не завернулась в шаль
И не прикрыла нежных плеч и нежных рук
Лишь потому, что тонких кружев было жаль,

Как будто тень на них могла набросить вдруг.
И умерла она на белых кружевах,
С последним вздохом тихо выдохнув слова,
Чтоб перед тем, как опустить в могилу прах,
Ее одели в дорогие кружева.
«Она красива», — все шептались меж собой.
Сквозь песнопенья и кадильный скорбный чад
Она с улыбкой проплывала над толпой,
Как будто молча одобряя свой наряд.
1892

ПЕРЕД УХОДОМ

Лучи рассвета в жгут тугой заплетены,
От горизонта пламя алое несут.
Тьму тянет зарево с притихшей вышины,
Как будто в сети, где мерцает перламутр.
Проснулись птицы и доверчиво свистят
В гнезде, которое качнулось на весу.
И на полях стада веселые ягнят
Сбивают с трав еще холодную росу.
И под густой-дрожащей тенью камыша
Туда, где пена закидала берега,
С веселым хохотом, играя и спеша,
На встречу с морем устремляется река.
Но ни от речки, что проносится журча,
Ни от росы, что серебристо разлита,
И ни от нежной ласки первого луча
Не всходит в сердце искрометная мечта.

Не любим мы живую жизнь и то, что есть,
И мило нам лишь только то, что далеко,
То, что судьба порой пытается унести,
То, чем вчера пренебрегали мы легко.
Мы любим солнца раскаленного заход,
Что гаснет свечкой, не щадя лучей своих,
Когда спускается в пучину темных вод,
Еще цепляясь за уступы скал крутых.
Цветов увядших замечаем прелесть вдруг
Мы лишь тогда, когда им вновь не расцвести,
Когда забота нерадивых наших слуг
Уже не может их от гибели спасти.
Нам вид флаконов, потерявших аромат,
Порой дороже самых редкостных духов,
Храним мы нежно, будто самый ценный клад,
Листок письма, где тлеет тайная любовь.
И златокрылую любовь свою подчас
Не бережем и расстаемся просто с ней.
А ту, что, крылья обрета, летит от нас,
Дрожа, мы ловим, чтоб прижать к груди своей.
Приобретает снова прелесть, тайный знак
Лишь только то, что мы покинем, что уйдет:
Звон колокола, шепот, лай собак
И даже тучи, что скрывают небосвод.
А разве трогали б волнение и тоска,
Когда б, как грезы, не расправили крыла?
И стала б жизнь нам и сладка, и дорога,
Когда бы смерть в конце ее не стерегла?

ПОЧЕМУ?

«Скажи, почему, — мне порой говорят, —
Твой голос звучит, а другие молчат?
И старше они, и умней, и мудрей,
А людям души не раскроют своей?»
«Скажи, почему?» — мне порой говорят.
Ответа на все «почему?» не найти.
Не знает ведь гром, почему он гремит,
И птица — зачем она в небо летит,
И речка — зачем она к морю бежит.
Ответа на все «почему?» не найти.
«Скажи, почему ты смеешься всегда:
В тоске всё живое и где-то беда,
На нежность цветов выпадают снега,
И жизни весна, будто миг, коротка.
Скажи, почему ты смеешься всегда?»
— «Но грязь под ногами не может мешать
Высоким вершинам под солнцем сиять,
Смеются они и своей чистотой
С небесной сближаются высотой.
Им грязь под ногами не может мешать».
«Скажи, почему ты опять весела,
Нет прелести в мире, и ложь расцвела,

И сердце твое распрощалось с мечтой,
И роскошь,, и блеск — только призрак пустой.
Скажи, почему ты ©пять весела?»
— «Сверкает от солнца озерная гладь,
Зачем этот блеск? Надо: ль озеру знать?
И озеру знать не дано, почему
В росе берега улыгнулись ему.
Сверкает от солнца озерная гладь».
«Скажи, почему ты опять влюблена,
Ведь жизнь, как пустыня, оголена,
Покинула сердце мечта о любви,
Давно разбежались желанья твои,
Скажи, почему ты опять влюблена?»
— «Спросите у стебля на доброй земле,
Как ищет корнями он влагу во мгле,
Спросите родник, почему он течет,
Откуда он чистую воду берет?
Спросите у стебля на доброй земле.
Спросите колосья в полях, почему
Качаются мерно, подвластны чему?
Простая былинка и мощный платан
Пукают побег — почему это так?
Спросите колосья в полях, почему?»
Сама не пойму я — зачем, почему
Так хочется сердцу запеть моему?
Пусть жизни мечта навсегда далека,
Смеюсь и пою так, как мчится река.
Сама не пойму я — зачем, почему? .f

1902

ВОПРОС

Душа моя полна лучами чувств живых,
Они сверкают, разгораясь всё светлей.
К какой звезде, в какой рассвет направить их,
Чтоб осветили мглу моих минувших дней?
В душе моей поток надежды так широк,
Бурлит и пенится он в радужной пыли.
К каким морям, к какой реке послать поток,
Чтоб росной каплей он достиг родной земли?
Душа моя желаний пламенных полна,
Они сжигают полыханием огней.
Какому грому я доверить их должна,
Чтобы от молний вспыхнул мрак минувших дней?

1903

СЛЕЗЫ

Есть слезы грусти и печали, слезы мук,
Они сбегают торопливо вдоль щеки.
-В слезинке каждой вопль рыданий, горький звук
Все подавляющей безвыходной тоски.
Есть слезы чистые, и в них разлит покой,
Они сверкают, будто радуга, горят.
Так после дождика над полем и рекой

Земная сила разливает аромат.
Есть слезы тайные, без ропота и слов,
И рождены они душевной глубиной.
Они рассказывают долго про любовь,
Что обвели давно мы траурной каймой.
Есть слезы хохоту подобные, они
Сродни грозе, сродни грохочущим громам,
Бросают молнии, и прячутся в тени,
И разлетаются, сверкнув, по сторонам.
Есть слезы жгучие, огонь их так жесток,
Как пламя жидкое, что не течет, спеша.
Невидим людям их сжигающий поток,
Пока глаза не станут пеплом, как душа.
О эти слезы, вы давно знакомы мне,
О горьких днях воспоминаний не избыть.
Благословляю вас, вы дали мне вполне
Поверить в то, что продолжает сердце жить.
1907

ЗАЧЕМ... ЗАЧЕМ?

Господь, создав из блеска, света и огня
Величье женщины с возвышенной душой,
Зачем же солнце зажигаешь среди дня?
Она одна бы осветила мир большой.
Ты ароматом роз так щедро наделил
Ее улыбку, боль и жизни каждый миг,
Зачем же ты поля цветами нарядил?
Она дыханием бы освежила мир.

Зачем ты птицам дал и рекам голоса?
Хватило б голоса и нежных женских слов
Наполнить пением и воды, и леса
И окрылить мечты и светлую любовь.
Зачем ты создал реки, море и леса,
Ведь знал, что женщину создашь в прекрасный
час?
И разве ты, господь, тогда не ведал сам,
Что тайна кроется в глубинах женских глаз?
Наперекор добру и злу придумал ты
Способность женщины любить и чаровать,
Зачем же создал и надежды, и мечты?
Хватило б женских чар страданиям обучать.
Когда небесным обаяньем наделил,
В знак наказания или в дар дал сердце ей,
Зачем любовью целый мир заполонил?
Хватило бы ее любви вселенной всей.
1908

ГОВОРИТЬ!

Превыше веры и любви,
Превыше всех надежд, что полнят дни мои,
Превыше радостных минут
И восхищений, что в душе моей живут,
Есть наслажденье говорить,
Возможность думы потаенные излить.
Я даже плена не боюсь.
Пусть уготован мне тернистый путь и пусть

Убьют оковы легкость рук,
И под ногами сто ухабов встречу вдруг,
Но пусть дадут мне говорить
И сердцу — вольное стремление парить.
Желаний иллюзорный пыл
Проходит быстро, осыпая пепел в пыль.
И славы суета сует
На все соблазны пусть наложит свой запрет,
Лишь я имела бы права
Душой рожденные произносить слова.
О ласках юные мечты,
Стремленья жертвовать, что были так чисты, —
Меня пленяли вы не раз,
Очарованье было временным подчас.
Но с жизнью связывает нить
Уменья сердца так свободно говорить.
Жизнь проживу свою сполна —
Недугов лающая свора не страшна.
Против меня вооружась,
Пусть жизнь пойдет, не отведу я глаз.
Лишь дали бы, пока жива,
Святое право на свободные слова.

1911

РОДНОМУ ЯЗЫКУ

Был первым звуком на устах ты — первый слог души
моей,
Ты — первый лепет детских дней, язык родной.

Мои желанья и мечты я воспевала с давних дней,
Ты мне бороться помогал с моей бедой.
И пламя жаркое твое проникло в душу навсегда,
Ты жажду знаний и добра в меня вселил.
О благородный мой язык, благодарю, тобой горда,
Твои слова светлей всех звезд и всех светил.
Скиталась я в чужих краях, и жизнь моя была горька,
И я ни дома, ни семьи не знала там.
И болью жгучею была о языке родном тоска,
О мой язык, я жизнь свою тебе отдам.
Язык, ты — чудо из чудес, всего святого ты святей,
.Ты — отзвук канувших веков, ты так велик.
Поэтов славою ты был, оружием богатырей,
Благословляю я тебя, о мой язык!
Дитя покрытых снегом гор, дитя бессмертное веков,
Лучом неугасимым ты к сердцам проник.
Вечнозеленая весна тебе сплетает сто венков,
О несравненный, нежный мой, родной язык!
Преданьям нашей старины ты служишь чашею святой.
Чтоб ты еще сильнее стал, в пергамент книг
Саак с Месропом занесли дыханья трепет золотой.
Я фимиам тебе курю, о мой язык!
Как море радужное, ты раздольной плещешься волной.
Алмазы блещут и шелка в размахе волн.
Твои сказанья и псалмы полны седою стариной,
Родной язык, от всей души тебе поклон!
Когда-то, в давние века, среди платанов шелестел,
Гусанам славу создавал, рождал мечты.

Теперь о горе ты поешь для тех, кто ищет свой удел,
Но силы ты не потерял и вечен ты.
Благословенны те, кого рукой жестокою своей
Судьба по свету погнала, как желтый лист.
Один забыл очаг родной, другой отрекся от детей,
Себя забыли — от тебя не отrekliсь.
Благословенны имена армянских нежных матерей,
Они дыханьем и мольбой, тебя храня,
Нуждаясь в хлебе и тепле под крышей шаткою своей,
Передавали сыновьям день ото дня.
Позволь и мне, родной язык, несчастной дочери армян,
Под сводом храма твоего свечой дрожать
Неунывающей души, но изнывающей от ран,
И лирою благословлять, и обожать.

1912

НЕ ГОВОРИТЕ!

Не говорите мне, что лжива доброта,
И что улыбка — только грим поверх морщин,
И что исчезли благородство, красота,
Любовь, и песни, и цветы — обман один.
Не говорите, что весенний аромат,
Вода источника — таят заразу, яд,
И превращается роса в дожди и в град,
И капли меда лишь на краешке лежат.
Не говорите мне, что лживы все уста,
Что речь любви и сострадания пуста

И что без радости и чувств душа чиста,
Что существует лишь рассудка правота.
Не говорите мне, что взгляды всех подряд,
Сверкая словно изумруд, опал, гранат,
Кадильным блеском лжи покрытые, блестят,
Притворно плачут, и тоскуют, и скорбят.
Не говорите, что обманны голоса,
Что их оттенки — только звук из пустоты,
Моя душа еще в тревоге милой вся...
Оставьте мне мои надежды и мечты!
Не говорите про жестокость и корысть,
Про то, что преданности нет среди людей,
Что все обеты и все клятвы унеслись,
Как лепестки среди увянувших полей.
Не говорите: мгла забвения нас ждет
И на бессмертие надежда — полный бред,
Что вместе с плотью и душа моя умрет...
Оставьте мне моих мечтаний яркий свет!

1913

МИЛАЯ МЕЧТА

Мечтаю о таком божественном дворце,
Чтоб выше жизни был и выше туч и звезд,
Встающем в волнах океана, как в венце,
Без двери, без порога — в полный рост.
Чтоб не из золота он был и серебра,
Чтобы мечты его поддерживали свод,
Чтоб излучали светлый смех они с утра,

Весенний смех, без тяжких дум и без забот.
Хочу, чтоб жили в нем такие существа
Благоуханные, чтоб изменялся облик их,
Как цвет заката, как ночная синева,
В сверканье всех тонов и всех цветов живых.
И чтоб светили их сердца, как маяки,
Переливаясь многоцветным хрусталем.
Чтоб были чувства их свободны, глубоки
И незнакомы были с завистью и злом.
Чтоб процветали там и песни, и стихи,
Богиней стала беззаветная любовь,
Чтобы шелка цвели, кружились и текли,
Как на балу, что всех блистательней балов.
И чтобы истина была обнажена,
Была высокою до святости она,
А красота цветеньем роз опьянена
И добротою белокрылою полна.
И поклоненье, и восторги тех людей
Венком лавровым увенчали б их сердца,
И чтоб в костре большой любви не счесть огней,
И чтобы в нем сердца сгорали до конца.

1913

СОНЕТ

Видали тучу вы, что с севера идет,
Грозами, молнией и ливнями полна,
Какой тревогою наполнена она,

Могучей силою гонимая вперед?
Она грохочет, сотрясая небосвод,
Свою мечту испепелившая до дна,
Рождает бурю, и зловеща, и черна,
На землю ливни ослепительные льет.
Я беспредельной неизвестностью полна,
В футляр души не уместается она,
И оттого душа моя кровоточит,
Дробится, как сосуд летящих облаков,
От той большой борьбы, которую вершит,
Нужны ей молнии и грохоты громов!

1913

СЛОВО К БОГУ

Тебя зовем мы отцом с твоей безбрежной душой,
С бездонною добротой.
Но если б матерью был, весь мир иначе бы жил
И горько слезы не лил.
И не топтали б тогда цветов на поле стада
И отошла бы беда,
Когда была бы твоя душа с ее добротой
Материнской душой.
И милосердьем твоим мир был бы крепко храним,
И птица с пеньем своим,
Что обитает в горах, гнездо свивает в кустах,
Не гибла б в хищных когтях.
Когда б ты матерью был, то был бы горд человек,

Свободным прожил свой век
И, благодарность неся, от этой ноши не слаб,
Как твой беспомощный раб.
Когда б ты матерью был, стерпел бы разве, смолчал,
Когда твой сын закричал
От копий острых, от ран: «Зачем оставил меня?!» —
Прося тебя, не виня.
Когда б ты матерью был, в глубины сердца проник,
Продлил бы радости миг.
Ведь ты всевидящ, господь, и тайны нет от тебя,
И люди жили б, любя.
Перед жестокостью дней, о, стал бы матерью ты,
Взглянул на нас с высоты,
Тогда бы смог ты понять огромным сердцем своим,
Какой любви мы хотим.
1924 '

ЗАБЫТЬ

Взлетать превыше облаков над землей,
И посещать моря, иные миры,
И слушать ветры, что, устав от игры,
Ведут беседу, как друзья, меж собой,
166

Тумана шепот различать в тишине,—
Но если это всё пригрезилось мне
Когда-то в юности, в родной стороне,
Хочу забыть я тайну жизни земной!

И для того, чтобы воспрянуть опять,
Хочу я зерна всех болей растоптать,
Помочь страдающим рыдания унять,
И утереть их слезы доброй рукой,
И посвятить себя борьбе с нищетой.
Но если в жизни и того не дано,
И корни пустит нищета всё равно,
И разрастется вновь людская беда,
Пройдут мечтанья, не оставив следа, —
Под серым прахом их душе истлевать,
Дымиться ладаном, полета не зная,
Свои стремления к добру усмирять, —
Тогда забыть бы мне мечты навсегда!

1932